

Марианне Франке-Грикш

Мосты между домом и школой

Доклад в марте 2004 г. в Идштайне

Марианне Франке-Грикш – преподаватель начальной и средней школ с 1964 по 1994 годы, в настоящее время работает психотерапевтом. Образование в терапии первичного крика, дополнительные квалификации в различных направлениях системной семейной терапии и гипнотерапии.

Частная психотерапевтическая практика в Мюнхене, индивидуальная и групповая терапия, консультирование семейных пар, работа с родителями и детьми, занятия с учителями. Проведение курсов повышения квалификации для учителей и терапевтов семейных консультационных пунктов.

Публикация книги „Ты с нами!“ в издательстве Карл-Ауер-Системе, Гейдельберг, 2001.

Мои дорогие коллеги!

Самое дорогое, что у нас есть, наших детей, мы отправляем в первый в жизни самостоятельный путь – в школу, первую после детского сада обязательную социализующую инстанцию. Вот уже длительное время никакая другая область образования не вызывает столько дискуссий, в особенности после проведения тестов в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA). Родители в Германии в последнее время выражают обеспокоенность тем, достаточно ли знаний получают их дети в школе и правильным ли образом эти знания преподносятся. Последовала реакция министерства образования. Сегодня немецкие школы находятся в состоянии реформ.

В наши задачи сейчас не входит подробное обсуждение перспектив всесторонней школьной реформы. Нас занимает следующий вопрос: могут ли учителя действительно укрепить связь между семьей и школой, перекинуть мост, по которому дети радостно и без страха отправятся в школу?

Школа накануне больших перемен

В первую очередь я обращусь к основным представлениям о школе, как ее большинство людей себе представляют и чем ей приходилось быть на протяжении столетий. Школа дисциплинирует – как малышей-шестилеток, так и беспокойных шестнадцатилетних подростков. До последнего времени в школе дети должны были спокойно и сосредоточенно сидеть – с восьми часов утра и до часу дня. Существенные силы их растущих организмов в это время подавлялись, чтобы культурные навыки (чтение, письмо, счет) и предметы (математика, физика и прочие) могли преподаваться и восприниматься без помех. Один школьник как-то сказал мне:

– Госпожа Франке, наверное, было бы лучше сдавать тело у ворот при входе в школу и заходить с одной головой. Тогда бы мы меньше мешали.

Это гротескное представление отчетливо указывает на несоответствие школьных условий собственной цели детского организма: развиваться, двигаться, расти, пробовать свои силы. Упражнения на расслабление в течение урока, два часа физкультуры в неделю, перемены – все эти мероприятия не являются самоцелью и мало кто из учителей осознает, что они необходимы для того, чтобы ученики могли впоследствии спокойнее сидеть на занятиях и сосредоточеннее заниматься.

Самое позднее с появлением телевидения, способного приковать наших детей на три – четыре часа к телеэкрану и обездвижить, мы начинаем понимать, что школа должна научить ребенка обращаться и с физическими силами его организма, его природными биоритмами, фазами покоя, медитации и периодами, требующими большой умственной концентрации, а так же обучить построению социальных контактов при работе над общими проектами и общению с окружающим миром как таковым.

Например, в Нидерландах существует целый ряд школ, в которых не преподают математику, английский язык или географию как предмет. Весь учебный материал излагается в рамках учебной программы, которая реализуется в контексте того или иного обязательного обучающего проекта на материале английского языка, немецкого языка, математики, биологии, физики и дает необходимый объем знаний. Дети исследуют систему определенного биотопа, разводят дождевых червей, сооружают покрытия с фотоэлементами, готовят выставки. В течение всего школьного дня ученики принимают активное участие в работе над проектами. Они организуют и распределяют, пилят и забивают гвозди, составляют каталоги, систематизируют имеющиеся знания и учатся находить новую информацию. Параллельно учителя дают указания относительно самых различных дисциплин, чтобы дети могли правильно рассчитать необходимое количество воды или деревянных досок, направляют и

поддерживают, если нужно написать письмо, перевести текст с английского или на английский, подготовить отчет о проделанной работе, сделать доклад, составить эскиз бизнес-плана для официальной организации, представить на общем собрании коммунальный проект.

Ошибки в английском языке, в математических расчетах, в применении физических формул имеют совершенно конкретные последствия. Дети учатся на своих ошибках, имея возможность на опыте соотнести ошибки с их последствиями. А работа над ошибками является частью обучающего проекта.

Все это требует от учителей и школьной администрации огромной организационной работы, а также готовности полностью отказаться от привычных представлений о том, каким образом и насколько систематично школьники будут учиться. Тогда задача учителя предстает перед нами в новом свете.

Задачей групп продленного дня при этом естественно не может являться простой присмотр за детьми после уроков, пока родители работают. Важный момент: матери восьми-, десяти-, двенадцатилетних детей нередко просто не знают, чем занять своих детей, разве что посадить их перед телевизором, отправить на курсы восточных единоборств или потребовать выполнения домашних заданий.

Детям не нужен присмотр в послеобеденное время. Им необходимо испытывать свои силы в выполнении совместных заданий, обучение в инструментальных группах, хоровое пение, кружки чтения, писательские мастерские, для них самих, их друзей и подруг. Детям необходимы защищенные ареалы для занятий, а между занятиями – спокойные и оживленные перерывы. Дети должны учиться осмысленно организовывать свое время.

Если задуматься над этим, станет ясно, насколько значительно влияние, оказываемое школой на современного человека и что такая школа может внушить человеку отвращение к рутине в будущей профессиональной жизни. Подобная школа – это в сущности революция, ведь она влияет на всю нашу культуру в той же степени, в какой школа сейчас влияет и на культуру, и на профессиональную деятельность человека. И наоборот. Это первый большой мост.

Кратко упомяну о важности нахождения творческих ресурсов, использовании предшествующих знаний учеников, о которых часто забывают, о необходимости выработки социальной компетенции и прежде всего о важности детской любознательности и деткой находчивости в соответствующих возрасту проектах. Например, проект «Как функционирует водоснабжение?» включает соответствующую информацию, расчеты, беседы с компетентными сотрудниками, письма, экскурсии, участие в общественных собраниях и гражданских проектах,

сравнения с другими городами, сообщения детей из городов-побратимов в других странах, которые в это же время проводят подобные проекты. Дети должны получить представление о том, насколько сложно устроена наша жизнь, чтобы осознать остроту необходимости получения комплексных знаний, позволяющих справиться с задачами, которые ставит перед нами жизнь.

Учитель завоюет сердце ученика, если полюбит его родителей (Б. Хеллингера)

Опыты семейной терапии

Все это, дорогие коллеги, еще можно понять. Мы можем отказаться от иллюзий, начать учить и учиться по-новому. Однако что мы знаем о взаимоотношениях между людьми, о том, что происходит в их умах и сердцах, о мнениях и убеждениях, которые учителя, ученики и родители не вполне осознают? Со времен Фрейда мы говорим о бессознательном, так давайте назовем **межсознательным** то, что происходит в общении между людьми.

Когда в шестидесятые годы я начала работать в школе, а в семидесятые стала изучать различные направления семейной терапии, я узнала, что в семьях существуют культурно обусловленные паттерны, Берт Хеллингер называет их „основными порядками любви“. Эти порядки действуют и в нас: мы чувствуем себя комфортно, если подчиняемся им, и наоборот, испытываем разлад, если живем вопреки им.

В разных культурах порядки разные. В семейных расстановках их несложно распознать, равно как и последствия несоблюдения этих законов, например, исключение одного из членов семьи из системы влияет на детей в следующем и последующем поколениях. Никакие самые изощренные педагогические меры не смогут интегрировать такого ребенка. Ведь у него «особая миссия», он пребывает в согласии с собой, сопротивляясь попыткам его интегрировать. Помимо многочисленных публикаций Берта Хеллингера об этом подробно писал Бертольд Ульзамер в книге „Без корней нет крыльев“. Осознание того, какое воздействие оказывает на всех нас семейная динамика, подводит учителей к важному выводу:

Учитель должен чтить динамику каждой семьи, даже если она имеет тяжелые последствия и причиняет очевидный вред ребенку.

Осуждая «неблагополучные» семьи, мы усугубляем ситуацию поляризацией сторон. Ребенок почувствует, что учитель настроен против его родителей „ради же блага“ и пытается

«соблазнить» его лучшими ценностями. Подсознательно ребенок это почувствует. И сохранит лояльность по отношению к родителям, даже если они несправедливо обходятся с ним, заставляют страдать, пусть дети и ругают своих родителей. А если учитель заключит в сердце всех троих – родителей и ребенка – ученик почувствует огромное облегчение. Тогда даже при самой тяжелой домашней обстановке ребенок сможет спокойно находиться в школе (см. стр.148 в „Ты с нами“: „Лучший отец – настоящий“). Школа – это не альтернатива родительскому дому, не спасение для обделенных. В лучшем случае школа может помочь ребенку расширить его горизонт, не вызывая прямой конфронтации с домашними ценностями, как и чем живет его семья.

Учитель может ежедневно давать ученику почувствовать, что он уважает его родителей, пусть им приходится туго, пусть они делают очевидные ошибки. Это непростая задача. Приведу несколько примеров.

Однажды на уроке я сказала:

– Я смотрю на вас и вижу не 22 школьника, а 66 человек, за каждым ребенком стоят его родители, даже если они живут не вместе или один из них умер.

В классе поднялся шум, некоторые дети хотели чувствовать себя в школе независимыми от папы и мамы. Другие сердились на родителей, третьи печалились, что у родителей нет на них времени, четвертые согласились со мной. Я не стала им объяснять, почему это хорошо. Многие дети рассказали о произошедшем родителям и сообщили мне об удивительных дискуссиях, возникших за обеденным столом. Получился небольшой мост.

Это мне придало мужества. Мы применили этот образ – родители стоят у меня за спиной – в упражнениях на счет в уме, и дети почувствовали, как у них прибавилось уверенности. Рядом с беспокойными детьми во время контрольных работ я ставила пустой стул. На нем понарошку сидел отец или сестра – и ребенок успокаивался. А один ученик мне однажды сказал:

– Рядом со мной сидит бабушка. Хоть она и не умеет считать, она меня успокаивает, потому что ей это не так важно.

Еще с детьми я говорила о жесте уважения. Они сами догадались, что это – поклон. В Баварии учителям рекомендуют перед началом урока прочесть вместе с детьми молитву. Поскольку в наших классах с детьми из католических, протестантских, мусульманских семей учатся и дети православного исповедования и хинди, а также немало детей без вероисповедования, я решила, что на моих уроках два ученика будут кланяться друг другу в знак уважения. В этом ритуале принимали участие все. Иногда я тоже склонялась перед учениками и со словами, что

я кланяюсь и их родителям. Таким образом, утром у нас воцарялась спокойная, исполненная взаимного уважения атмосфера и урок мог спокойно начинаться.

Однажды после нашего ритуала я сказала, что поклониться другому человеку – один из важнейших видов человеческой деятельности. И надо как-нибудь поклониться родителям. Детям эта мысль показалась очень занятой. Они еще не забыли время близости с родителями, когда, маленькие, они любили сидеть на коленях у папы и мамы. Позже наступил период дистанции, когда материнский поцелуй уже в тягость, а отцу едва дозволяется погладить подросткового ребенка по голове. Но поклон – такое им в голову еще не приходило. И некоторые последовали моему совету. Позже ребята рассказали мне трогательные истории (см. стр.19 в книге „Ты с нами“).

Один мальчик поклонился отцу, который смотрел телевизор. Он рассказал мне, что папа сидел, удобно закинув ноги на стул, и смотрел телевизор. Мальчик встал сбоку от отца и поклонился. На вопрос отца, что он делает, мальчик ответил, что кланяется, потому что учительница сказала, надо поклониться родителям в знак уважения. Отец покачал головой, потом после некоторого колебания неожиданно встал и обнял сына. Какое-то время спустя отец рассказал мне, как ему нелегко пришлось в ту минуту: ведь он нередко бил сына. Я не привыкла к такой искренности в беседах с родителями. Меня это потрясло и мне вспомнились ситуации с моими собственными детьми, когда я была несправедлива с ними. Тут я поняла, что мальчик помог отцу снова стать отцом, снова войти в контакт с сыном. Неосознанный родительский стыд за неудачи в воспитании отдаляет их от детей. Но безусловное уважение учителя может помочь преодолеть этот барьер, помочь „растопить“ возникшую в семье криминальную энергию. Вот еще один мостик.

Педагог-консультант, вызванная к одной учительнице первого класса, узнала об ученике, который постоянно привлекал к себе повышенное внимание. Точнее сказать, повышенное внимание привлекала к себе его мать. Такая же ситуация складывалась и в прошлом учебном году с одиннадцатилетней дочерью этой женщины; девочка только что не без шумной истории закончила начальную школу. Постоянно складывались конфликтные ситуации с учительницей и директором. Директор, учительница и консультант опасались новых беспорядков и не знали, как обращаться с матерью этих детей. Оказалось, она не уважала отца ее детей, с которым жила в разводе. И школу тоже не уважала. На нее сильно влиял гражданский муж, отчим детей. В супервизерской группе для учителей я попросила заместительницу консультанта провести беседу с заместительницей учительницы. Во время беседы консультант порекомендовала учительнице относиться с уважением к тому, что происходит в семьях, даже если это не просто и для детей, и для родителей; порекомендовала с уважением относиться к поведению матери,

хотя ей, классной руководительнице, пришлось нелегко в течение полугода с дочерью этой женщины. Еще ей надо представить себе родного отца детей рядом с мамой, пусть в настоящее время он и не занимается детьми, а у матери другой партнер. Наблюдающие за расстановкой настоящие учительница и консультант заметили, какое при этом облегчение почувствовала заместительница матери.

Итак, было найдено приемлемое решение, которое принесло плоды уже в течение последующих нескольких недель. Мальчик больше не чувствовал себя в классе скованно, а со временем между матерью и школой установились доверительные отношения.

Иногда даже необходимо ради блага ученика (или ученицы) любить родителей против его воли. Вот ребенок рассказывает, как сильно его унизил отец, а я как учитель говорю:

– Да, это очень плохо, и все-таки я знаю, что в тебе есть внутренняя инстанция, которая любит папу и маму.

Я говорю так не из расчета, а потому что я это знаю. И поскольку я это знаю, я люблю и родителей, которые ужасно себя ведут, пренебрегают детьми, используют их. Еще я говорю ребенку:

– Пока у тебя это не получается – оно и понятно – я буду за тебя любить родителей, потому что ведь они тоже люди, они зачали и родили тебя.

Я действительно так беседую с детьми и вижу блеск в их глазах, вижу зарождающееся доверие. С благожелательностью можно добиться больших успехов в серьезном разговоре с родителями, с работниками социальных органов, отправить социального работника в семью. Тогда у нас, воспитателей, сложатся хорошие отношения с родителями детей, ибо мы понимаем, что и те родители любят своих детей, которые позволяют им смотреть телевизор до поздней ночи, и те, которые их бьют, ими злоупотребляют. Мы склоняемся перед правилами защиты ребенка в обществе и одновременно мы знаем, что ребенок всегда будет предан родителям.

И если мы с уважением отнесемся к тому, что происходит в семье, если мы, учителя, не будем придерживаться мнения, что знаем – или умеем – лучше, что мы предлагаем детям хорошие правила и человечность в надежде, что дети их примут вопреки устоям родительского дома – если мы всего этого **не будем думать**, тогда можно **надеяться на лучшее**. Тогда дети будут чувствовать защиту учителя, подсознательно чувствовать, что учитель знает о борьбе, которую ребенок ведет ради семьи, когда он не учит уроков, бредет по проезжей части на красный свет, страдает анорексией, принимает наркотики, водится с сомнительными друзьями, не

возвращается домой с дискотеки и доставляет родителям массу беспокойств. А если мы, учителя, воспримем это как простое „самовредительство“, обусловленное неблагополучным окружением, неосознанно попытаемся удалить детей из родной среды, мы не сможем им помочь. Дети любят то, что ненавидят, и в глубине сердца остаются верны своему происхождению. Только безусловная открытость учителя по отношению ко всем участникам: детям, родителям и их среде – поможет перекинуть мост из школы к детям в их социально изолирующей динамике родительской семьи.

Любой здравомыслящий человек спросит меня, как можно быть открытым по отношению к **таким** родителям. Это очень сложный вопрос. Вопрос почти философский. Все начинается с представления о человеке и о мире, какое оно есть у каждого учителя в отдельности. Формирование этого представления тесно связано с динамикой его собственной семьи.

Полезный учитель живет в мире со своими родителями

(Из книги „Ты с нами!“, стр.143)

Один учитель как-то сказал мне:

– Что? Я должен любить своих родителей, и только тогда я буду хорошим учителем? Я потому хороший учитель, что я учу детей не тому, чему меня учили мои родители. Я вообще рад, что не покончил с собой! Настолько ужасными они были!

И я ему поверила. И тем не менее у этого человека в школе были проблемы. Он не уважал авторитеты, только силу и приятелей. Так же он относился и к ученикам и ученицам. Попанибратски. Им это нравилось, они стояли горой за него, были готовы шагнуть за ним и за него в огонь. Но что помимо этого? Ученики не признавали авторитета учителей по другим предметам, директора, в какой-то степени даже авторитета родителей. Этот учитель создавал ауру „безродности“ и те, кто не признавал никаких авторитетов, брали пример с него. Да, в крайнем случае и такое влияние может оказать учитель на своих коллег, учеников и их семьи. А ведь у него были самые добрые намерения. Тут вы со всей ясностью видите тесную взаимосвязь учителя и его окружения.

Учителям, которые работают над собственной семейной динамикой и прежде всего над отношениями с родителями, в этом отношении проще. Они точно знают, как непросто принять родителей такими, какие они есть, и какое чувство беспомощности одолевает нас перед лицом наших родителей. Они узнали на собственной шкуре, как трудно смириться с основным

жизненным фактом: на Земле живут 3,5 миллиарда женщин, и только одна из них – моя мать; живут 3,5 миллиарда мужчин, и только один из них – мой отец. Люди, которые до глубины души осознали значение своих родителей для их собственной жизни, любят жизнь.

Учитель, за плечами которого стоят родители – его опора, понимает, чего стоит ученику преодолеть семейные устои. Ни один ребенок не может быть усерднее и любознательнее, чем среда, породившая его. Иногда родители даже требуют этого от детей. Тем важнее предоставить такому ребенку в школе возможность развиваться свободно и без давления.

Если мы в симпатии к ребенку будем абстинентны (не будем осуждать семью, откажемся от желания помочь ребенку), то наша задача как учителей и воспитателей предстанет перед нами в новом свете. Слово груз с плечей свалился. Мы и сами его на себя взвалили, и общество его нам навязывает. Эта задача невыполнима. Но что делать с освободившейся энергией?

Если учитель уважает родительский дом ученика, ученик будет почтительно относиться к школьным порядкам и урокам

Если дети чувствуют, что в школе интересуются порядками в их семьях, они проявляют ответный интерес к особым порядкам, царящим в школе. Дети познают разницу в порядках, причем домашние порядки не принижаются, пусть они и в значительной степени отличаются от порядков в школе.

Каждый год мы обсуждаем с детьми семейные ценности и представления родителей о воспитании. После этого каждый ребенок составляет два-три списка:

-Что важно отцу в воспитании?

-Что важно матери в воспитании?

-Что важно в воспитании второму мужу матери (отчиму и т.д.)

И как точно дети все знали! Я им посоветовала оставить списки дома на столе, чтобы родители могли их найти и удивиться. На одном из родительских собраний мы обсуждали разницу в представлениях о правильном воспитании в рамках одной семьи, и как полезно для ребенка, когда отец и мать не сходятся во взглядах. Ребенок учится немного у обоих. Дети все хорошо понимают, но им нужна однозначность. Вот тут и возникают разногласия между родителями. Родители думают, что они должны придерживаться одного и того же мнения. Нет, в этом нет необходимости. Нужна терпимость, именно этому учатся дети у родителей: несмотря на то, что

родители разного мнения, каждый относится с уважением к позиции другого. И никто не обделен. Дети это чувствуют. Если у родителей на этой почве возникает спор, дети используют его. Детям я советовала точно объяснить родителям, как они это себе представляют:

– Сегодня я сделаю так, как хочет папа, а завтра я буду делать так, как хочешь ты, мама.

Если один из родителей жил отдельно, я просила детей точно разузнать, какого мнения был бы сейчас отец, который живет далеко или умер. А матерям я советовала:

– Требуйте время от времени того, чего хотел бы от детей ваш бывший муж (ваш покойный муж) или позвольте ребенку нечто, что бы позволил он. Ребенку это необходимо.

Детям это очень нравилось.

В моей книге я описала (см. стр. 66-67) ситуации, в которых дети слушаются неродных родителей. Матерям я порекомендовала не забывать, что ребенок всегда будет слушаться того из родителей, кто сейчас далеко. Он так и останется сыном или дочерью разведенного или погибшего отца и подсознательно будет придерживаться его взглядов. Если обсудить это в семье, то и отчиму удастся лучше понять приемного сына, ребенок скорее позволит ему руководить собой – вместо родного отца. Например, можно сделать так:

– Франц, я знаю, что твой отец был бы рад, если бы ты записался в клуб дзюдо. Если хочешь, я помогу тебе в этом.

Мои заметки призваны дать вам несколько примеров, какими могут быть мосты между родителями и школой. Разумеется, на занятиях мы подробно обсуждаем не только домашние порядки, но и школьные правила (см. стр. 100). И тут вдруг школьники проявляют интерес к школе, что в ней должно быть иначе, чем дома. Ведь школа – это организация, она общая, для всех.

Дети быстро понимают, что существуют жесткие неизменные правила: распределение школьных классов в здании школы, распределение учителей по отдельным классам, иерархия – директор, завуч, классные руководители и учителя по предметам. Существуют учебные планы, обязательные для всей Баварии. Дети распознают и гибкие правила. Дома, когда они становятся старше, родители дают больше денег на карманные расходы, разрешают позже ложиться спать. В школе, чем сплоченнее класс, тем сильнее его влияние на школьный быт. Например, когда домашних заданий становится слишком много, легче договориться с учителем или, если учительница придирается к какому-то ученику, проще сказать ей, что это несправедливо, и многое другое. Дети понимают, что правила необходимы. Именно те дети,

которые чаще других нарушают правила, особенно нуждаются в том, чтобы их жестко поставили на место. В моей книге я написала об этом.

Социальное поведение и успехи в учебе школьников как отражение состояния учительского коллектива

Дорогие коллеги, и это верно: наши школьные классы ведут себя по отношению друг к другу так же, как члены нашего учительского коллектива относятся друг к другу. Неспokoйный класс, чинящий настоящие беспорядки, в которых „круто“ получать плохие оценки, дерзить, применять насилие и чего там еще только не бывает – дело каждого учителя, так же как о больном ребенке в семье заботятся все и каждый. Нередко такие классы отражают состояние учительского коллектива. Значительно оздоровить обстановку в таких классах поможет обсуждение интриг, споров, внутренней эмиграции среди учителей.

Среди учителей хороший тон – не оставлять такой класс на одного классного руководителя, не принижать, не объявлять ребят неспособными. Но и помогать ему не стоит. Солидарность – достаточно серьезная поддержка для классного руководителя и учителей по предметам. И это тоже мост, когда коллеги искренни друг с другом, никто не зазнается, не мнит себя лучшим учителем. Кто любит и поддерживает братьев и сестер, получает доступ к общей силе коллектива. Например, когда становится заметно, что директор – слабый руководитель, когда одному из учителей не удастся настоять на своем. В благожелательном климате скорее удастся исправить ситуацию. С помощью супервизорских расстановок многим коллегам удалось увидеть проблему под другим углом и изменить свое поведение. Следовательно изменилось отношение и у школьников, они стали вести себя иначе. Так иногда учителям удается, урегулировав конфликты между собой, заразить позитивной энергией и школьников.

В одной школе ученик угрожал целому классу и учительнице газовым пистолетом. Два часа учительница и класс были у него руках. За это время никто из учителей не забеспокоился, что класс не вышел во двор на перемену. Как минимум десять из пятнадцати присутствующих учителей заметили, что дверь в классный кабинет была закрыта. Стоило только заглянуть в класс и страшной ситуации был бы положен конец. Коллективу учителей стало ясно, насколько важна консолидация. Все чувствовали вину по отношению к пострадавшей учительнице. Помимо того, за несколько недель до случившегося педагогический совет отклонил ее просьбу обсудить на заседании поведение провинившегося ученика.

Отношение учителя к руководству, управлению школы, министерству образования

Бывает, что супружеские пары не могут сказать твердое „да“ браку и живут вместе „только ради детей“, такое часто встречается и среди учителей. Они, может, охотно преподают, ощущают в себе призвание и все-таки чувствуют себя в рамках школьной организации не на своем месте. Именно твердое „да“ школе и ее структуре, работодателю, который дает нам средства к существованию, наделенному функциями руководителю, обеспечивает нам надежное положение и наше место в школе.

В ходе Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) выяснилась повсеместная потребность в принципиальной реформе школы. От учителей требуется работа над общими обучающими проектами, о которых они должны договариваться между собой. То, что раньше требовалось от педагога учебным планом, превратилось в организационную работу. Сейчас как никогда важную роль играет сплоченность учительского коллектива. Все это вызывает страхи и беспокойство. Уверенность в своем творческом потенциале и коммуникативных способностях приходит со временем. Насколько учителям удастся преодолеть свои страхи и неуверенность, ровно настолько им удастся поддержать школьников в самостоятельных проектах, внушить чувство уверенности, веры в себя, поддерживать естественное желание учиться и отвечать за свои поступки.

Еще учителя должны донести новые установки в школьной системе до родителей так, чтобы и они могли поддерживать своих детей в „новой школе“. И это тоже необходимый мост между домом и по-новому структурированной школой. Чем больше учителей преодолет свои страхи перед новыми требованиями, тем свободнее, отважнее, оригинальнее станет развиваться школа в будущем Германии.

Кстати, знаете ли вы, что концепция школы немецкого педагога Хартмута Гендига покорила финское правительство. Его проект принес успех финским школам. Несколько таких школ существует и в Германии, например, лабораторная школа в Билефельде. На сегодняшний день она остается экспериментом. Но ее время еще придет.

К новым требованиям оказываются наиболее подготовлены учителя, у которых нет конфликтов в собственных семьях. Они умеют занимать однозначную позицию в коллективе, обладают естественным авторитетом в классе и в состоянии справиться со страхами, которые возникают в связи со школьными реформами.

Дорогие коллеги! Как вы видите, мосты между школой и родительскими домами бывают разные. Между учителями и учениками, учителями и родителями учеников, между учителями

и их собственными родителями, между учителями и коллективом, даже между учителями и дирекцией школы. Важно принять это как данность, даже если, в особенности если, мы собираемся реформировать школу.

В заключение расскажу историю, которая случилась со мной в седьмом классе, с 13-14-летними школьниками. В день смерти отца на свой учительский стол я поставила его небольшую фотографию. Конечно, прежде всего мальчики стали спрашивать, кто это, не мой ли новый друг. Я ответила, что это мой покойный отец, что сегодня день его смерти и что он придает мне сил в работе.

– Он тоже был учителем, он знает, каково мне с вами приходится. Без него я бы не справилась,
– сказала я.

Они притихли, вернулись к своим партам и некоторое время в классе царила очень почтительная тишина.